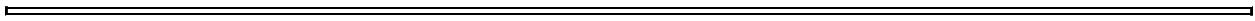

- Роберт ГОВАРД, Спэг ДЕ КАМП

○

Роберт ГОВАРД, Спрэг ДЕ КАМП

Бог, запятнанный кровью

Конан дезертирует из туранского войска. Слухи о таинственном сокровище заставляют его отправиться в горы Кезанка, простирающиеся вдоль границ Заморы...

В этом зловонном переулке, по которому Конан-киммериец пробирался ощупью, такой же слепой, как и окружающая его чернота, было темно, как на самом дне преисподней. Случайный прохожий, чудом оказавшийся в таком проклятом месте, увидел бы высокого и необычайно сильного юношу, одетого в свободную рубаху, на которую была натянута кольчуга, сплетенная из тонких стальных полос, а поверх всего — зуагирский плащ из верблюжьей шерсти. Грива черных волос и широкое серьезное молодое лицо были полускрыты зуагирским головным убором-каффией.

Тишину прорезал душераздирающий крик боли.

Такие крики не были чем-то необычным на кривых, извилистых улочках Аренжуна, Города воров, робкий, или сколько-нибудь осторожный человек поспешил бы прочь, даже не подумав вмешаться не в свое дело. Однако, Конан не был ни робким, ни осторожным. Его неуемное любопытство не позволяло оставить без внимания и, к тому же он кое-кого разыскивал здесь, и этот вопль может навести его на нужных людей.

Не раздумывая, повинуясь безошибочному инстинкту варвара, Конан повернул в сторону луча света, прорезавшего неподалеку темноту. Через минуту он уже стоял у окна в массивной каменной стене, заглядывая в щель крепко запертых ставней.

Его взгляду открылась просторная комната, увшанная бархатными тканями, с богатой вышивкой, устланная дорогими коврами, уставленная мягкими диванами. У одного из них столпились несколько человек: шестеро дюжих заморских бандитов и еще двое — Конан не смог определить, кто они. На диване лежал человек, по всей видимости, кочевник, из Кезанка, обнаженный до пояса. Он был крепким и мускулистым. Четыре здоровенных головореза крепко держали его за руки и за ноги. Он лежал, распятый между ними, не в силах пошевелиться, хотя

напрягал мускулы изо всех сил, так, что они вздувались узлами у него на руках и плечах. Его покрасневшие глаза блестели, по груди текли струйки пота. На глазах у Конана гибкий человек в красном шелковом тюрбане выхватил щипцами горячий уголь и положил его на трепещущую обнаженную грудь лежащего, уже покрытую ожогами.

Один из присутствующих, высокий, выше чем тот, что был в красном тюрбане, злобно проворчал что-то, глядя на лежащего — вопрос, смысл которого Конан не уловил. Кочевник изо всех сил затряс головой и в бешенстве плонул в лицо спросившего. Раскаленный уголь скользнул ниже и тот неистово завопил. В тот же миг Конан навалился всем своим весом на ставни.

Действия киммерийца были не такими уж бескорыстными. Именно сейчас он нуждался в друге среди горцев Кезанских гор — народа, который был известен своей ненавистью к чужакам. И теперь случай пришел ему на помощь. Ставни с грохотом раскололись, и Конан, извернувшись, свалился внутрь, ногами вперед, держа в одной руке секиру, а в другой — зуагирский кривой нож. Люди, пытавшие горца, быстро повернулись к нему, невольно вскрикнув от неожиданности.

Перед ними стоял высокий могучий воин, облаченный в зуагирскую одежду: развевающиеся складки кафии закрывали нижнюю часть лица. Над этой маской горели подобно раскаленной лаве, синие глаза. На мгновение все застыли, потом немая сцена взорвалась лихорадочным действием.

Человек в красном тюрбане что-то коротко крикнул, и навстречу незваному гостю бросился гигант, сплошь покрытый волосами, подобно обезьяне. Он держал трехфутовую саблю, и нападая, резко поднял лезвие, чтобы нанести смертельный удар. Но секира опустилась на его руку. Кисть, скимавшая острый клинок, отлетела, разбрызгивая струйки крови и длинный узкий нож Конана перерезал глотку заморийца, заглушив последний хрип.

Перепрыгнув через убитого, киммериец бросился к Красному Тюрбану и его высокому спутнику. Тот взмахнул ножом, второй выхватил из ножен саблю.

— Руби его, джиллад! — зарычал Красный Тюрбан, отступая перед мощным натиском киммерийца. — Зал, помоги ему!

Человек, которого называли Джилладом, отбил нападение Конана и нанес ответный удар. Конан увернулся с легкостью, которой позавидовала бы голодная пантера, хватающая добычу, и это движение приблизило его к Красному Тюрбану. Тот сразу нанес удар, нож блеснул, его острие

коснулось бока молодого варвара, но не смогло проникнуть сквозь почерневшую сталь кольчуги. Красный Тюбан отскочил, едва увернувшись от лезвия Конана, которое все же прорезало его шелковое одеяние, задев кожу. Споткнувшись о сиденье, он упал, ударившись о пол, но прежде, чем Конан смог воспользоваться своим преимуществом, Джиллад стал теснить его, осыпая дождем сабельных ударов.

Парируя эти удары, киммериец заметил, что человек, которого называли Зал, пробирается к нему, держа в руке тяжелый топор, а Красный Тюбан с трудом поднимается на ноги.

Конан не стал ждать, пока враги сомкнут вокруг него кольцо. Его секира описала широкий сверкающий круг, и Джиллад быстро отскочил. Потом, как только Зал поднял топор, Конан пригнулся, и прыгнул вперед, выставив нож. Удар и Зал оказался на полу, извиваясь в луже крови, посреди собственных внутренностей, вывалившихся из распоротого живота. Конан бросился на тех, кто еще держал пленника. Они отпустили его, с громкими воплями вынимая из ножен свои сабли.

Один из головорезов попытался ударить горца, но тот спасся, ловко скатившись с дивана. Тут между ними оказался Конан. Отступая перед их написком, он крикнул пленнику:

— Сюда! Ко мне! Быстрее, или тебе конец!

— Эй вы, собаки, — крикнул Красный тюбан. — Не давайте им удрать!

— Иди сюда сам и понюхай, каков запах смерти, пес! — крикнул Конан, говоря на заморийском с варварским акцентом и бешено захохотал.

Пленник из Кезанка, ослабевший от пыток, с трудом отодвинул засов и открыл дверь, ведущую в небольшой дворик, пока стоявший в дверях Конан преграждал путь его мучителям, теснившимся в узком проходе, где их многочисленность превратилась из преимущества в недостаток. Молодой варвар смеялся и сыпал проклятиями, нападая и отражая удары. Красный тюбан метался позади своих людей, громко проклиная их медлительность. Секира Конана мелькнула, словно жало кобры и один замориец завопил и упал, сжимая руками живот. Джиллад, стремясь прорваться во двор, перепрыгнул через раненого, но упал сам. Не дожидаясь, пока копошащаяся и вопящая куча людей в дверях оправится и бросится его преследовать, Конан повернулся и побежал через двор к стене, за которой скрылся горец.

Вложив оружие в ножны, Конан прыгнул, ухватился за край стены, подтянулся и увидел перед собой темную извилистую улицу. Потом что-то ударило его по голове и он, обмякнув, скатился по стене вниз, на скрытую

тениями землю мрачной улицы.

Когда сознание вернулось к нему, первое, что он увидел, был слабый свет восковой свечи. Он сел, моргая и ругаясь вполголоса, нашупал свою саблю. Потом кто-то задул свечу, и в темноте незнакомый голос произнес: «Не бойся, Конан, я твой друг».

— Кто ты такой, во имя Крома? — спросил Конан. Он нашел на земле свою секиру и подобрав ноги, приготовился к прыжку. Он находился на той же улице, у подножия стены которой упал, человек, обратившийся к нему стоял рядом, фигура с неясными очертаниями, еле видная при неверном свете звезд.

— Друг. Твой друг, — повторил незнакомец с мягким акцентом, присущим жителям Иранистана. — Зови меня Сасан.

Конан встал, держа наготове секиру. Сасан вытянул руку. В свете звезд блеснула сталь, и Конан приготовился нанести удар, но тут увидел, что иранистанец протягивает ему его собственный нож, рукойкой вперед, который Конан выронил при падении.

— Ты подозрителен, как голодный волк, Конан, — рассмеялся Сасан, — но побереги лучше свой клинок для врагов.

— Где они? — спросил молодой варвар, принимая нож.

— Ушли на поиски Окровавленного бога.

Конан, вздрогнув, схватил Сасана железной хваткой за ворот, и всмотрелся в темные глаза иранистанца, таинственные и насмешливые, странно блестящие в свете ночных звезд.

— Что ты знаешь об Окровавленном Боге, проклятый? — нож Конана коснулся бока незнакомца чуть ниже ребер.

— Я знаю вот что, — ответил Сасан. — Ты прибыл в Аренжун по следам тех, кто похитил у тебя карту, на которой обозначено, где находится сокровище, которое дороже сокровищницы самого короля Илдиза. Я тоже ищу здесь кое-что. Я прятался неподалеку и подсматривал через дыру в стене, когда ты ворвался в комнату, где пытали несчастного кочевника. Откуда ты узнал, что это те самые люди, которые украдли твою карту?

— Я ничего не знал, — пробормотал Конан. — Я услышал крик, и подумал, что надо бы вмешаться. Если бы я знал, что это те самые люди, которых я ищу... Что ты знаешь о них?

— Не много. Неподалеку в горах скрыт древний храм, куда горцы боятся заходить. Говорят, что он был построен еще до Великой Катастрофы, но мудрецы спорят о том, были ли его создатели грондарицами, или же неизвестным народом, непохожим на людей, правившим в Гиркании сразу после Катастрофы.

Горцы объявили эти места запретными для всех чужеземцев, но некий чужеземец по имени Осторио нашел храм. Он вошел внутрь и нашел там золотого идола, усыпанного драгоценностями и камнями, которого назвал Окровавленным Богом. Он не смог взять его с собой, потому что идол был выше человеческого роста, однако, он оставил карту, намереваясь вернуться. Ему удалось выбраться из этих мест, но в Шадизаре какой-то бандит ударил его ножом и он умер. Перед смертью он передал карту тебе, Конан.

— Ну и что? — мрачно произнес варвар. Дом за его спиной был молчаливым черным пятном.

— Карта была украдена, — сказал Сасан. — И тебе известно, кем.

— Тогда я не знал этого, — проворчал Конан. — Потом мне сказали, что воры — Зирас-коринфянин и Аршак, туранский принц, изгнанный из страны. Какой-то слуга подслушал наш разговор с Осторио, когда тот умирал и рассказал им. Хотя я даже не знал похитителей в лицо, но выследил их до вашего города. Сегодня я выведал, что они прячутся на этой улице. Я бродил здесь, надеясь что-нибудь узнать, а потом услышал этот крик.

И ты сражался с ними, не зная, кто они! — воскликнул Сасан. — Тот горец — Рустум, соглядатай Кераспа, вождя одного местного племени. Они заманили его к себе домой и пытали, чтобы вывести тайный путь через горы. Остальное тебе известно.

— Все, кроме того, что случилось, когда я влез на стену.

— Кто-то швырнул в тебя скамьей и попал в голову. Когда ты упал сюда, за стену, никто больше не обратил на тебя внимания. Либо подумали, что ты умер, либо просто не узнали под каффией. Они погнались за кочевником, но я не знаю, поймали ли его. Очень скоро они вернулись, оседлали коней и, как безумные, помчались на запад, оставив убитых. Я подошел к тебе, чтобы посмотреть, кто тут лежит, и узнал тебя.

— Значит, человек в красном тюрбане и есть Аршак, — пробормотал Конан. — А Зирас?

— Это тот человек в туранской одежде, которого они называли Ажиллад.

— И что теперь? — проворчал варвар.

— Как и ты, я ищу окровавленного бога, хотя среди всех, кто занимался много столетий до меня, только Осторио смог уйти из храма живым. Говорят, на это сокровище наложено проклятие против возможных грабителей.

— Что ты знаешь об этом? — резко спросил Конан.

Сасан пожал плечами.

— Немного. Люди в Кезанкине говорят, что этот Бог губит всех, кто осмеливается поднять святотатственную руку на него, но я не такой суеверный глупец, как они. Ты ведь тоже не боишься, верно?

— Конечно, нет! — По правде говоря, Конану было страшно. Хотя он не боялся ни человека, ни зверя. Все сверхчеловеческое наполняло его варварскую душу неизъяснимым ужасом. Но он никак не хотел признаться в этом.

— Что ты задумал?

— Я думаю, что в одиночку никто из нас не справится с целой бандой, но вдвоем мы можем последовать за ними и отобрать идола. Что скажешь?

— Да, я согласен. Но я убью тебя как собаку, если ты попытаешься строить со мной какие-нибудь фокусы.

Сасан засмеялся:

— Конечно, убьешь, поэтому можешь мне доверять. Пошли. Там наши кони.

Иранистанец шел впереди, они шагали по извилистым улицам, над которыми нависали балконы с извилистыми решетками, и дальше, по зловонным трущобам. Наконец, они остановились у ворот, освещенных фонарем. На стук Сасана в окошко ворот выглянула бородатая физиономия. Сасан обменялся с привратником несколькими словами и ворота открылись. Сасан быстро вошел, Конан, то и дело оглядываясь, последовал за ним. Но его подозрения были напрасны: там действительно стояли кони и по приказу держателя постоянного двора, сонные слуги стали седлать их и накладывать провизию в седельные сумки.

Вскоре Конан и Сасан выехали из западных ворот города, кратко ответив на вопросы солнного стражника, стоявшего у ворот.

Сасан был довольно полным, но мускулистым, с широким хитрым лицом и быстрыми черными глазами. На плече он держал пику, и видно было, что это оружие ему не в новинку. Конан не сомневался, что в случае надобности его спутник будет сражаться, применив всю свою хитрость и смелость. Он не сомневался и в том, что может доверять Сасану до тех пор пока их союз на руку иранистанцу: он, не задумываясь убьет Конана при первой возможности, как только надобность в нем отпадет.

Рассвет застал их в пути, когда они проезжали по неровной поверхности бесплодных Кезанских гор, отделяющих восточные оконечности болот Котха и Заморы от туранских степей. Хотя и Котх, и Замора претендовали на обладание этой областью, никто не мог покорить их жителей и подчинить их себе. Город Аренжун возвышающийся на

высоком кругом холме, дважды успешно выдерживал осаду туранских войск. Дорога разделилась, став трудноразличимой, и наконец, Сасан признался, что не знает, где они находятся.

— Я вижу их следы, — проворчал Конан. — Если ты не можешь различить их, то я могу.

Прошло несколько часов, и следы недавно проскакавших коней стал еще четче. Конан сказал:

— Мы приближаемся к ним, и врагов все еще немного больше. Не будем показываться до тех пор, пока они не найдут идола. Тогда мы сможем устроить засаду и отобрать его.

Глаза Сасана блеснули.

— Хорошо! Но надо быть осторожными. Это земли Кераспа, а он алчен и хватает все, что видит.

В полдень они все еще ехали по древней, забытой дороге. Подъезжая к узкому ущелью, Сасан сказал:

— Если этот горец вернулся к Кераспу, все племя будет готово к приходу чужеземцев...

Они натянули поводья: поджарый кезанкинец с лицом коршуна выехал из ущелья, подняв руку.

— Стойте! — крикнул он. — Кто позволил вам ступить на землю Кераспа?

— Осторожно, — пробормотал Конан, — они наверняка окружили нас.

— Керасп требует уплаты пошлины с проезжающих, — сквозь зубы ответил Сасан. — Может быть, это все, что надо этому парню. — Пошарив у себя в поясе, он сказал горцу: — Мы просто бедные путешественники и с радостью заплатим пошлину вашему доблестному предводителю. Мы путешествуем вдвоем.

— А кто же это с вами? — спросил горец, выхватил из-за пояса кинжал и метнул его в иранистанца.

Движение было молниеносным, но Конан все же опередил его. Не успел кинжал коснуться горла Сасана, блеснула секира Конана, сталь зазвенела о сталь. Кинжал отлетел в сторону, и горец, рыча от ярости, схватился за свою саблю. Но прежде, чем лезвие вышло из ножен, Конан нанес еще один удар, рассекая тюрбан и череп под ним. Конь под кезанкайцем встал на дыбы, сбросил убитого на землю. Конан повернул своего коня.

— В ущелье! — крикнул он. — Это засада!

Труп горца ударился оземь, в то же мгновение зазвенела тетива и

засвистели стрелы. Конь Сасана сделал скачек, когда стрела впилась ему в шею, и помчался к выходу из ущелья. Конан почувствовал, как стрела порвала рукав, дал шпоры своему коню и направил его вслед за Сасаном, который не мог справиться с раненым конем.

В то время, как они неслись к ущелью, оттуда выехали три всадника, размахивавших кривыми саблями. Сасан, оставив все попытки успокоить обезумевшее от боли животное, направил пику на ближайшего из них. Оружие пронзило его и сбросило с седла.

В следующую минуту Конан поравнялся со вторым всадником, тот поднял саблю высоко над головой. Киммериец взмахнул секирой, кони сошлись грудь в грудь, зазвенела сталь. Конан, поднявшись на стременах, потянул секиру вниз мощным рывком, выбив из рук противника саблю и раскроив ему череп. Через мгновение он уже скакал вверх по ущелью, слыша свист стрел, пролетающих слева и справа.

Конь Сасана, раненый стрелой горцев, споткнулся и упал, иранистанец сумел извернуться в падении и высвободить ноги.

Конан натянул поводья.

— Садись позади меня! — прохрипел он.

Сасан прыгнул на круп коня Конана, не выпуская из рук пику. Прикосновение шпор — и несущее двойную ношу животное рванулось вверх по ущелью. За спиной у них раздались крики, горцы бежали к своим коням, спрятанным неподалеку. Поворот ущелья заглушил шум.

— Должно быть, это кезанкийский соглядатай вернулся к Кераспу, — задыхаясь, сказал Сасан. — Они жаждут крови, а не золота. Как ты думаешь, горцы уже покончили с Зираском?

— Он мог проехать здесь до того, как они устроили засаду, или же они преследовали его и остановились, чтобы устроить нам ловушку. Думаю, он все еще впереди.

Проехав около мили, они услышали доносившийся издали стук копыт. Погоня! Они доскакали до чашеобразной ложбины, окруженной утесами с отвесными склонами. От ее середины полого поднималась дорога к выходу из углубления, узкому, словно горлышко бутылки. Приблизившись к проходу, Конан увидел, что он перегорожен невысокой каменной стеной. Сасан громко крикнул, соскочил с коня и в то же мгновение на них обрушился ливень стрел. Одна из них попала коню в грудь.

Конь упал, но Конан вовремя спрыгнул и покатился по земле к куче камней, за которыми успел спрятаться Сасан. Еще одна волна стрел разбилась о камни, некоторые, дрожа, воткнулись в землю рядом с ними. Два искателя приключений обменялись насмешливыми взглядами.

— Вот мы и нашли Зираса! — сказал Сасан.

— Через минуту они нападут на нас, — со смехом отозвался Конан. — Керасп ударит с тыла и ловушка захлопнется.

— Эй, выходите, что бы вас легче было подстрелить, — крикнул кто-то из-за стены с открытой издевкой. — Что за человека ты взял с собой, Сасан? А я-то думал, что вышиб ему мозги прошлой ночью.

— Меня зовут Конан, — прорычал киммериец.

С минуту длилось молчание, потом Зирас крикнул:

— А, мне надо было сразу узнать тебя! Ну ладно, теперь уж ты попался.

— Мы оба попались! — ответил Конан. — Слышали вы схватку внизу в ущелье?

— Да, слышали, когда остановились что бы напоить коней. Кто за вами охотился?

— Керасп и сотня кезанкийцев! Когда горцы покончат с нами, и вам несдобровать: ведь им станет известно, как вы пытали одного из них!

— Лучше пусти нас к себе, — добавил Сасан.

— Керасп действительно гонится за вами? — крикнул Зирас. Его голова, обернутая тюрбаном, показалась над краем стены.

— Ты что, глухой? — резко спросил Конан.

Ущелье дрожало от воплей горцев и стука копыт.

— Входите сюда, быстрее! — воскликнул Зирас. — У нас хватит времени на то, что бы разделить по справедливости сокровище, если мы выберемся из этого ада.

Конан и Сасан, выскочили из-за камней, и побежали вверх по склону, к выходу из лощины, к стене. Из-за нее показались волосатые руки, которые помогли им перебраться через неровные камни. Конан осмотрел своих новых союзников: Зираса, мрачного, с тяжелым взглядом в турецкой одежде, Аршака, все еще франтоватого, даже после долгой, утомительной скачки, тройку смуглых заморийцев, оскаливших зубы в приветственной улыбке. На Зирасе и Аршаке были такие же кольчуги, как на Конане и Сасане.

Около двух десятков кезанкийцев натянули поводья, остановив своих коней, когда с тетив луков заморийцев и Аршака сорвались первые стрелы. Некоторые ответили выстрелами из своих луков, другие быстро повернули коней и отъехали на безопасное расстояние, где спешивались, поскольку перескочить стену их коням было, явно, не под силу. Одно седло опустело, раненый конь понес своего назад в ущелье.

— Они, должно быть, преследовали нас, — прорычал Зирас. — Конан,

ты солгал! Здесь не будет сотни всадников!

— Достаточно для того, что бы всем нам перерезали глотки, — ответил Конан, положив руку на свою саблю. — И Керасп может в любой момент послать за подкреплением.

— Мы удержимся за стеной, — хрипло сказал Зирас. — Думаю, ее построил тот же народ, что и храм Окровавленного Бога. Берегите свои стрелы до того когда они нападут.

Под прикрытием стрел, которыми осыпали стены четверо кезанкийцев справа и слева, остальные горцы сплошным потоком ринулись вверх по склону, передовые подняли вверх блестящие круглые щиты. За ними Конан различил Кераспа. Рыжебородый коварный предводитель кочевников гнал вперед своих людей.

— Стреляйте! — крикнул Зирас.

Стрелы полетели в столпившихся людей и трое, корчась в судорогах, остались лежать на склоне. Но остальные продвигались вперед, с горящими глазами, сжимая сабли в волосатых руках.

Оборонявшиеся выпустили последние стрелы в плотную массу горцев и поднялись из своего укрытия, обнажив сабли. Горцы подкатились к стене. Некоторые попытались подсадить друг друга на стену, другие подтаскивали небольшие валуны валуны к ее подножию, устраивая что-то наподобие ступеней. Вдоль стены были слышны глухие удары, словно боровшиеся ломали друг другу кости, хрипло свистела сталь, раздавались прерывистые стоны и проклятия умирающих. Конан снес голову вражескому воину и увидел рядом с собой Сасана, который направил пику прямо в открытый рот другого, так что острие вышло у того из затылка. Горец, бешено выкатил глаза, всадил нож в живот одного из заморийцев. Тот упал и тотчас же его место занял вопящий горец, который подтянулся и влез на стену прямо перед Конаном, не успевшим остановить его. Киммериец получил легкую рану в левую руку, ответный удар секиры рассек врагу плечо.

Перепрыгнув через его тело, он бросился на тех, кто пытался перелезть через стену, не ведая, как идет сражение с другой стороны. Зирас сыпал проклятиями на языке коринфян, Аршак ругался так, как это умеют только гирканцы. Кто-то издал предсмертный крик. Горец охватил длинными и сильными как у гориллы руками мускулистую шею Конана, но киммериец напряг мышцы и нанес удар ножом вниз раз и еще раз. Наконец, кезанкиец отпустил его и со стоном упал со стены.

Задыхаясь и ловя ртом воздух, Конан огляделся и понял, что натиск врагов ослабел. Оставшиеся в жив, покрытые кровавыми ранами

кезанкийцы бежали вниз по склону. У подножия стены лежал ряд трупов. Все три заморийца были убиты или испускали последний вздох. Конан увидел, что Аршак сидит прислонившись спиной к стене, прижав руки к телу и кровь струится у него между пальцев. Губы принца посинели, но он растянул их в улыбке, внушавшей ужас.

— Рожденный во дворце, — прошептал он, — умирает за каменной стеной! Что ж, это судьба. На сокровище наложено проклятие: все, кто шли по следам Окровавленного Бога, умирали... — Он затих.

Зирас, Конан и Сасан молча посмотрели друг на друга: одежда висела клочьями, они были с головы до ног забрызганы кровью. Руки и ноги каждого были покрыты неглубокими ранами, но колющути спасли их от смерти, не пощадившей их спутников.

— Я видел — Карасп ускользнул, — прорычал Зирас. — Он доберется до своего селения и поднимет против нас все племя. Они пойдут по нашим следам. Мы должны опередить их, добыть идола и увезти его из этих мест, чтобы он не успел схватить нас. Сокровища хватит на всех.

— Верно, — проворчал Конан. — Но прежде, чем мы отправимся в путь, верни мне мою карту.

Зирас открыл рот, желая что-то сказать, но увидел, как Сасан взял один из луков и натянув тетиву, прицелился в него.

— Делай, как велит Конан, — сказал иранистанец.

Зирас открыл рот, желая что-то сказать, но увидел, как Сасан взял один из луков и натянув тетиву, прицелился в него.

— Делай, как велит Конан, — сказал иранистанец.

Зирас, пожав плечами, протянул Конану скомканый пергамент.

— Будь ты проклят! Но все же мне причитается третья сокровища.

Посмотрев на карту, Конан засунул ее себе за пояс.

— Ладно. Я не злопамятный. Конечно, ты — свинья, но держи слово и не пытайся обмануть нас, и мы поступим так же. Верно, Сасан?

Сасан кивнул и подобрал с земли пучок стрел.

Кони людей Зираса были привязаны в проходе за стеной. Конан, Сасан и Зирас выбрали себе наилучших и направились к каньону, открывавшемуся за узким проходом. Трех оставшихся коней они вели в поводу. Наступила ночь, но они двигались без остановок, помня о том, что за спиной Керасп с горами.

Конан зорко наблюдал за своими спутниками. Самое опасное время наступит, когда они добудут золотую статую и больше не будут нужны друг другу. Тогда Зирас и Сасан способны сговориться и убить Конана, или один из них может предложить ему убрать третьего. Каким бы жестоким и

безжалостным ни был сын варвара, его кодекс чести не позволял первому замыслить измену.

Он раздумывал о том, что хотел сказать ему перед самой кончиной тот, кто составил карту. Смерть настигла Осторио в тот самый момент, когда он описывал храм: его слова были прерваны кровавой струей, хлынувшей изо рта. «Немедиец хотел о чем-то предупредить», — подумал Конан. Но о чем?

Уже рассвело, когда они выехали из ущелья в долину, с боков которой стеной стояли крутые склоны. В долину вел только один путь — проход, через который они проникли в нее. Он переходил в карниз, шириной примерно в тридцать шагов. С одной стороны на высоту, равную полету стрелы поднимались утесы, с другой стороны зияла бездонная пропасть. Казалось невозможным сойти вниз в глубину долины, затянутую туманом. Но все трое почти сразу же отвели глаза, ибо то, что они увидели перед собой заставило забыть и голод и усталость.

На самом краю пропасти возвышался храм, мерцающий в лучах восходящего солнца. Он был целиком высечен в гранитном утесе, и его огромный портал был обращен прямо к ним. Карниз вел к высокой бронзовой двери, позеленевшей от времени.

Конан не пытался угадать, какой народ, какие существа воздвигали это сооружение. Развернув карту, он стал разглядывать заметки на ее полях, стараясь понять, каким образом можно открыть двери храма.

Но Сасан, соскочив с седла, побежал к дверям, опередив своих спутников, издавая радостные вопли. Алчность заставила его забыть об осторожности.

— Дурак! — проворчал Зирас, спешиваясь. — Осторио записал предостережение здесь, на полях карты: что-то относительно Бога, который сам взимает дань с тех, кто хочет проникнуть в его святилище.

Сасан в эту минуту ощупывал выпуклости на богато украшенном портале и одну за другой тянул их к себе. Конан и Зирас услышали его торжествующий крик, когда одна из них поддалась у него под рукой. Но крик превратился в ужасный вопль: дверь храма, целая тонна литой бронзы внезапно наклонилась наружу и рухнула с оглушительным грохотом, раздавив иранистанца, словно насекомое. Из-под огромного ломтя текли алые струйки.

Зирас пожал плечами:

— Ну вот, я же сказал, что он дурак. Осторио, должно быть, нашел какой-то способ открыть дверь так, чтобы она не падала, не сходила с винтов, на которых укреплена.

«Одним ножом в спину меньшее», — подумал Конан.

— Эти винты не настоящие, — сказал он, осматривая дверь вблизи. — Смотри! Дверь опять поднимается!

Винты, как и сказал Конан, были фальшивые. В действительности, дверь была укреплена на двух пружинах в нижних углах так, что могла падать вперед, словно подъемный мост. На верхних углах двери было прикреплено по цепи, которые по диагонали шли вверх и исчезали в отверстии у верхнего края дверной рамы. Сейчас цепи натянулись, в отдалении раздался глухой, скрежещущий звук, — и дверь стала медленно подниматься.

Конан схватил пику, брошенную Сасаном. Всунув конец ее древка в углубление в резьбе на внутренней поверхности двери, он вставил острие словно клин в верхний угол дверной рамы. Скрежет умолк и дверь замерла, поднявшись едва ли на одну десятую.

— Неглупо, Конан, — произнес Зирас. — Ну теперь, раз Бог получил свою пошлину, дверь больше не закроется.

Ступив на внутреннюю поверхность лежащей двери, он спрыгнул в храм. Конан последовал за ним. Остановившись у самого порога, они вглядывались в пространство, покрытое мрачными тенями, словно змеиное логово. Тишина царила в древнем храме. Ее нарушал лишь мягкий звук их шагов, когда они двинулись вглубь.

Осторожно шли они в полутьме. И вдруг вспышка багрового света, ударив в глаза, словно яркие лучи заходящего солнца. Они увидели Бога — глыбу литого золота, усыпанную горными драгоценными камнями.

Изваяние, немного больше человеческого роста, было похоже на гнома, что стоял выпрямив широко раздвинутые ноги на огромном куске базальта. Оно было повернуто лицом к входу в храм, с обеих сторон от него стояли разные сиденья из блестящего черного дерева, выложенного драгоценными камнями и перламутром в странном узоре, не похожем на что-либо, созданное людьми, ныне живущими на Земле.

Слева от статуи, в нескольких футах от основания пьедестала, в полу храма от стены до стены зияла трещина, шириной примерно в пятнадцать футов. В незапамятные времена, может быть до постройки храма, землетрясение разделило скалу. И в эту черную бездну много веков подряд безжалостные жрецы бросали вопивших от ужаса людей, принося их в жертву своему страшному божеству. Высокие стены храма были покрыты фантастическими резными узорами, кровля над головой утопала в тени.

Но внимание людей было приковано к идолу. Несмотря на то, что он был отталкивающе уродлив и грубо сделан, для них он воплощал богатство,

при одной мысли о котором Конан почувствовал головокружение от успехов, выпавших на их долю.

— Кром и Имир! — выдохнул он. — На эти рубины можно купить целое королевство!

— Это слишком прекрасно для того, чтобы достаться неотесанному варвару, — задыхаясь, произнес Зирас.

Эти слова, произнесенные полуబессознательно сквозь стиснутые зубы, были предостережением для Конана. Он быстро пригнулся, рядом свистнула сабля Зираса — лезвие, не задев шеи, срезало кусок с каффии. Проклиная свое легкомыслie и неосторожность, Конан отпрыгнул, подняв секиру.

Зирас набросился на него. Конан принял бой. Они сражались, нападая и отступая перед изваянием, которое, казалось, злобно наблюдало за схваткой, их ноги скользили по гладкому камню пола стальные лезвия звенели и свистели в воздухе. Конан был крупнее коринфянина, но Зирас отличался необыкновенной ловкостью, был силен и опытен и знал множество опасных приемов. Снова и снова Конан оказывался на волосок от смерти.

Но вот варвар поскользнулся на отполированном полу и его удар пришелся по воздуху. Зирас, призывав на помощь всю свою силу и быстроту движений, сделал мощный выпад, казалось, его сабля неизбежно должна пронзить молодого воина. Но киммериец вовсе не потерял равновесие. С гибкостью пантеры он изогнулся свое сильное тело так, что длинное лезвие Зираса прошло у него под мышкой сквозь ткань рубахи. На мгновение сабля Зираса запуталась в складках. Коринфянин, не растерявшиь, нанес удар кинжалом, который держал в левой руке. Острие вонзилось Конану в правую руку и в тот же момент нож в левой руке варвара, прорвав кольчугу врага, проник ему в тело меж ребер. Зирас закричал, в горле у него что-то булькнуло, он откинулся назад и упал, раскинув руки на полу.

Конан, отбросив оружие, встал на колени и оторвал кусок ткани от своей рубахи, что бы добавить еще одну повязку к тем, что уже были на нем. Он перевязал рану, затянув зубами и руками узлы и поднял взгляд на Окровавленного Бога, глядевшего на него с высоты пьедестала. Кошмарное сверкающее лицо казалось, выражало злорадство и ненасытную жадность. Конан вздрогнул и по спине его пробежал холодок, он замер, охваченный страхом перед сверхъестественным, который был присущ суеверному варвару.

Но он быстро взял себя в руки. Окровавленный Бог принадлежал теперь ему, вопрос заключался лишь в том, как увезти эту массивную

глыбу. Если идол не полый, то он даже не сдвинет его с места. Но когда Конан постучал рукояткой ножа по статуе, то убедился, что внутри пустота. Конан прошелся по храму, строя различные планы и раздумывая, не разбить ли ему одно из тех тяжелых деревянных сидений, стоявших по бокам идола, что бы сделать рычаг из ножки, с помощью которого можно будет поднять Бога с пьедестала и вытащить его из храма, привязав цепями от входной двери к нескольким коням. Внезапно громкий голос заставил его повернуться.

— Ни с места! — Торжествующий крик прозвучал на кезанкийском наречии.

Конан увидел двух человек, стоявших в дверях и целившимся в него из тяжелых двойных гирканских луков. Один из них был высоким, тощим и рыжебородым.

— Керасп! — воскликнул Конан, потянувшись за саблей и ножом, которые бросил на пол.

Спутник Кераспа был крепкий, приземистый человек, которого Конан, как ему показалось, уже видел где-то раньше.

— Не двигаться, — произнес предводитель горцев. — Ты подумал, что я бежал в свое селение, верно? Так вот, я преследовал вас всю ночь с единственным человеком из моих людей, который остался невредимым. — Он с восхищением посмотрел на идола. — Если бы я знал, что в этом храме хранится такое сокровище, я давно бы взял его себе, что бы там ни говорили суеверные дураки из моего племени. Рустум, подбери себе саблю и кинжал.

Спутник Кераспа бросил взгляд на медную голову ястреба, которой кончалась ручка секиры Конана.

— Погоди, — крикнул он. — Это ведь тот самый, кто спас меня от пытки в Аренжуле! Я узнал его оружие!

— Молчи! — прорычал Керасп. — Вор умрет!

— Нет! Он спас мне жизнь! Что я видел от тебя, кроме тяжких трудов и ничтожной платы? Я больше не слуга тебе, грязный пес!

Рустум ступил вперед, подняв подобранную им секиру Конана, но в ту же секунду Керасп, повернувшись к нему, спустил стрелу с тетивы. Она вонзилась в тело противника. Горец пронзительно вскрикнул и покатился, скользя по полу храма прямо к краю бездонной трещины, и рухнул вниз. Отчаянные вопли доносились из бездны все слабее и, наконец, замерли.

Быстрый, как метнувшаяся змея, прежде чем безоружный Конан успел сделать хоть одно движение, Керасп выхватил из колчана новую стрелу и натянул тетиву для нового выстрела. Конан прыгнул, словно тигр, так, что

сбил бы с ног вождя кочевников, даже если бы тот успел выстрелить в него. И вдруг послышался тяжелый звон металла. Усыпанный рубинами Бог сошел с каменного возвышения и сделал широкий шаг к Кераспу.

С испуганным воплем, вождь кочевников выпустил стрелу, предназначавшуюся Конану, в ожившую статую. Стрела ударилась о плече золотого Бога, отскочила и полетела вверх, переворачиваясь в воздухе, а длинные руки вытянулись и схватили Кераспа за руку и ногу.

Отчаянные крики срывались с покрытых пеной губ Кераспа, а Бог, повернувшись, торжественно двинулся к провалу. Это зрелище парализовало Конана, наполнив его ужасом, а Бог, медленно шагая вперед, преградил ему путь к выходу: куда бы он не повернулся, он неминуемо попал бы в объятия этих страшных рук, длинным, подобно обезьяням. К тому же, Бог, при всей своей массивности двигался весьма проворно.

Окровавленный Бог приблизился к бездонному колодцу и поднял Кераспа высоко над головой, чтобы сбросить его в черную бездну провала, Конан увидел, как Керасп открыл рот, с его губ на рыжую бороду стекала слюна, он стал издавать отчаянные вопли, словно обезумев. Покончив с Кераспом, Бог без сомнения примется за него. Древние жрецы не должны были бросать жертвы в бездну — этим занимался Бог.

Когда статуя качнулась назад на своих золотых ногах, чтобы сбросить вниз Кераспа, Конан протянул назад руку, нашупал одно из древних сидений. Они, конечно, предназначались для верующих жрецов, или других прислужников древнего Бога. Конан, резко повернувшись, схватил массивное сиденье за высокую спинку и поднял его. Чувствуя, что мускулы его едва не лопаются от напряжения, он раскрутил сиденье над головой и ударил им Золотого Бога в спину между лопатками, в то время, как тело вопящего Кераспа уже летело в бездну.

Дерево сиденья расщепилось от удара о металлическое тело. Нападение застало Бога в тот момент, когда он покачнулся вперед, бросая Кераспа и он потерял равновесие. Какую-то долю секунды монстр балансировал на краю провала, отчаянно колотя по воздуху своими длинными золотыми руками. Затем сверкающий Бог тоже рухнул в пустоту.

Конан бросил на пол остатки сиденья и заглянул в пропасть. Крики Кераспа уже затихли. Конану почудилось, что он услышал где-то очень глубоко внизу слабый звук падения, какой мог произвести идол, ударившись о скалу и отскочив от нее, но наверняка сказать было трудно. Ни грохота, ни плеска: все стихло.

Конан провел рукой по лбу и устало улыбнулся. Кончилось проклятие Окровавленного Бога, исчез и сам Бог. Какое бы огромное богатство не

скрылось сейчас навсегда в земных недрах, Конан не жалел, что его ценой купил себе жизнь. На земле осталось еще немало сокровищ, которые можно было украсть.

Он подобрал свою секиру, лук Рустума и вышел из храма на солнечный свет, что бы выбрать себе лучшего коня.